

18+

Адская смена

Афина Корягина

Адская смена. Сборник

Корягина А.

Адская смена. Сборник / А. Корягина —

Книга для подростков написана подростками в ходе детской литературной смены в сибирской деревне Абрашино. Задания на каждый день у всех были одинаковые, а истории получились абсолютно разные: от любовной романтики до ужасов. Может быть, ребятам пока не хватает мастерства, но их искренность подкупает. Три автора, три разных истории.

Содержание

Дорогие читатели!	6
Афина Корягина	7
ГРОЗА ТАЛАНТОВ	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Адская смена Сборник

**Афина Корягина
Марьяна Угрина
Даша Чертинова**

Иллюстратор Наталья Блинкова

© Афина Корягина, 2026
© Марьяна Угрина, 2026
© Даша Чертинова, 2026
© Наталья Блинкова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-8649-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Перед вами три истории, которые написали юные авторы в течение литературной смены в деревне Абрашино. Афина Корягина, 14 лет, из Белграда; Даша Чертинова, 14 лет, из Пскова; Марьяна Утрина, 12 лет, из Новосибирска. Девочки – ученицы моей студии «Волшебные слова», которую я веду уже более четырёх лет.

Три абсолютно разных истории, хотя каждый день я давала одно и то же задание для всех. Вы поймёте, почему мы объединили их под одним общим названием. Это не первые публикации девочек: в ходе учёбы мы выпустили несколько сборников историй наших учеников. И это не первые успехи юных авторов. Не один год мы видим знакомые и любимые имена учеников в лонг- и шорт-листах детских литературных конкурсов. В прошлом году сразу две громкие победы: на «Глаголице» Ваня Колесников с рассказом «Радиолобитель» был назван лучшим среди билингвов, а Юлия Торопова получила специальный приз Всероссийского конкурса «Сибирские сказки».

Этот сборник – ещё один этап взросления и становления юных писателей. Пожелаем им удачи!

*Наталья Берязева – руководитель
детской литературной
студии «Волшебные слова»*

Афина Корягина

ГРОЗА ТАЛАНТОВ

Глава 1 Я – гений?!

Ничего себе!

Не знала, что я гений!

Я, как обычно, спокойно проводила последний день в школе. Я сидела в классе за своей партой, уже мечтала о каникулах, готовилась прощаться на лето с одноклассниками. Вдруг ко мне подошла наша классная руководительница, да ещё и в сопровождении завуча. Классуха, как всегда, носила цветастое платье странного кроя и необычное массивное ожерелье. Её осветлённые волосы до плеч были собраны сзади крабиком. А завуч была во всём тёмном, что сочеталось с её короткими чёрными волосами, и куталась в тёмно-коричневую шаль. Я испугалась и вспомнила, как нас предупреждали, чтобы мы ничего не натворили в последний день. Я вытянулась, как струна, готовая порваться, а учительница бодро и оптимистично начала:

– Юля, слушай внимательно. От нашей школы нужно отправить трёх учеников во Всероссийский лагерь для одарённых детей. Нужны музыкант, писатель и художник. Ты же у нас хорошо играешь на скрипке, верно? Тебя выбрали вместе с Кириллом и Витей из параллели. Кирилл – художник, а Витя – писатель. Ребята уже согласились. Тут вмешалась завуч:

– Готова ли ты представлять нашу школу в лагере?

Классуха подумала, что я испугалась такого официального тона, и поспешила смягчить вопрос:

– Хочешь туда поехать, Юля?

Что творится! Меня выбрали в лагерь для одарённых детей. И именно меня из всей школы, а то и из всего города или даже из всего края... Ведь здорово, что во Всероссийский лагерь пригласили учеников нашей Красноярской гимназии. Но, с другой стороны, все мои летние планы посыпятся, если я соглашусь. Ну почему выбрали именно меня?

– А на какое это время? – настороженно поинтересовалась я.

– Это на всё лето, – пояснила учительница.

Вот это уже серьёзно! Я задумалась.

– Пожалуйста, Юля, – начала меня умолять учительница. – Это же такой шанс! Такая возможность далеко не каждому выпадает.

Я подумала, что это, действительно, хорошая возможность. Новые встречи. Полезные знакомства.

– Хорошо, я согласна.

– Отлично, – обрадовалась завуч.

– Молодец! Всю информацию я пришлю твоим родителям, – улыбнулась мне учительница и вместе с завучем покинула кабинет.

Меня обступили одноклассники и стали расспрашивать и поздравлять. Мне и правда было приятно, что меня выделили, да ещё и как какого-нибудь вундеркинда. Тем более, похоже, что для нашей Красноярской гимназии это высокий уровень. Я тогда ещё не осознавала, на что подписалась.

Оказалось, что выезжать нужно было на следующий день. Лагерь находился недалеко от Красноярска, поэтому добираться дотуда мы должны были на микроавтобусе. Мне повезло, ведь ребятам из других городов, как я поняла, пришлось ехать сначала сюда. Я заранее пришла

на место встречи, таща чемодан и чехол со скрипкой, и увидела в толпе ребят двух знакомых пацанов. Я узнала их, потому что видела на школьных конкурсах и переменах.

Кирилл действительно был похож на художника. Высокий, тонкий, с очень светлыми, кудрявыми волосами. Он напоминал мне «Звёздную ночь» Ван Гога, потому что его волосы были похожи на характерные завихрения на ней. На нём была нежно-голубая льняная рубашка, такие же брюки молочного цвета и белые кеды. Но когда я поймала его взгляд, то увидела в голубых глазах не тихое спокойствие, как ожидала, а ехидный бунтарский огонёк. Как будто на светлую картину, которую я представила, брызнули тёмной краской.

Витя же показался мне ничем не примечательным, но добрым и спокойным. Он был как высохшая клякса на бумаге. Короткие, тёмные волосы и чернильно-чёрные глаза, отливающие синевой. Ростом он был пониже Кирилла, среднего телосложения. На нём была чёрная футболка, тёмно-синие брюки и чёрные кроссовки.

Я поймала себя на мысли, что Кирилл и Витя – противоположности. Всё равно интереснее меня. Я-то совсем обычная. Тёмно-коричневые, прямые, никак не уложенные волосы, тусклые карие глаза, лёгкая сутулость и угловатость. Все говорили, что я была точной копией мамы, а сама я думала, что была похожа на гриф скрипки. И даже одежда у меня была самая скучная: серая футболка, джинсы и грязные, заношенные кроссы.

Я подошла поздороваться:

– Привет! Я – Юля.

Я протянула руку.

– Кирилл, – моментально ответил первый.

Он тут же пожал мне руку, но как-то небрежно, окинув меня оценивающим взглядом и дерзко улыбнувшись.

– Добрый день. Меня зовут Виктор, – как-то неуверенно и со страхом сказал второй.

– Ребята, а вы знакомы? – поинтересовалась я.

– Мы в одном классе учимся, – ответил Кирилл.

Витя кивнул.

– А вас сюда тоже направили, только потому что вы лучшие в школе? Вы побеждали в конкурсах? Что мы там будем делать среди профессионалов, не пойму, – сказала я.

– За себя говори! – вдруг вспыхнул Кирилл. – Меня, в отличие от вас двоих, выбрали потому, что я вхожу в десятку лучших в стране. Мои работы уже получили признание и известность, а для вас ваше искусство – не больше, чем увлечение. Любительским кружкам не сравниться с художественной школой.

– Эй, ты чего? Я ведь просто спросила, – опешила я.

– Это ты чего?! Ты первая начала меня принижать, – всё распалялся Кирилл.

Я заметила, как он сжал кулаки и напрягся.

– Да ладно, хватит, – пролепетала я, примирительно подняв руки перед собой. – Я просто хотела сказать, что не думаю, что именно меня можно считать одарённым ребёнком.

– Так и говори тогда нормально с первого раза, – буркнул Кирилл.

Настало время садиться в автобус. Мы с Кириллом и Витей сели рядом. В автобусе сиденья располагались по два слева и по одному справа. Витя сел слева у окна, я рядом с ним, а Кирилл занял одиночное место справа. Он произвёл на меня неприятное впечатление, но я не оставляла попыток наладить с ним контакт.

– Кирилл, – весело начала я, но услышала в своём голосе небольшую натянутость, – а ты в каком стиле рисуешь?

– У меня свой стиль.

– А на что он примерно похож?

– Тебе что, непонятно? – снова вскипел Кирилл. – Это мой стиль, и он ни на что не похож. Сама увидишь во время смены.

– Ну, когда я видела твои картины на школьной выставке, мне показалось, что это что-то вроде абстракционизма или перформанса... – меня невольно скривило, когда я вспомнила его работы. Просто брызги краски и перекрывающие их грязные мазки. Это были иллюстрации смутной и сумбурной души Кирилла.

– Мой стиль хотят официально выделить и название дать, – самодовольно похвастался Кирилл.

– Здорово... – неискренне восхитилась я, подумав, что он мог обманывать или преувеличивать.

Я заметила, что из-за этого Кирилла совсем забыла о Вите. Меня немного смутило, что он представился полным именем. Но ладно, буду к нему так обращаться.

– Виктор, а ты в каком жанре пишешь?

– Я пробовал разные стили. Могу писать на заказ. Пишу и поэзию, и прозу. В общем, разное.

– Хорошо, – меня немного смутил его сбивчивый ответ. – А мне больше нравится классика. В целом и в музыке. Люблю Листа, Моцарта, Чайковского... – сердце облилось тёплым мёдом от перечисления любимых композиторов.

– Мне тоже нравится классика, – вдруг неожиданно сказал Витя. Я думала, что, если его не спросишь, он так и будет всё время молчать. – Я люблю Достоевского, Пушкина, Чехова...

Витя слегка прикрыл глаза, и я поняла, что он чувствует то же, что и я. Здорово, что у нас нашлось что-то общее. Во время поездки мы хорошо пообщались. Оказалось, что, хоть он и тихий, но, если разговаривать, то очень хороший и интересный человек.

Ехали мы как-то слишком уж долго. Мы не знали, куда нас везли, даже примерно. Мимо нас пролетали деревья, потом они сгустились плотнее, и наш автобус наконец остановился. Мы вышли из автобуса, взяли чемоданы, и, когда все ребята собрались, нас повели вожатые.

Некоторые из окружающих выглядели довольно эпатажно. У них были крашенные волосы, наманикюренные ногти, а у некоторых даже пирсинг. Некоторые же, напротив, сохраняли презентабельный вид, будто пришли на конкурс. Но большинство, как и я, были в незатейливой одежде, потому что они приехали прежде всего в летний лагерь. Одежда вожатых выглядела довольно нарядной, но сдержанной.

Я кожей чувствовала любопытство и предвкушение ребят. Всем не терпелось увидеть, как выглядит такой крутой лагерь. Нас провели за высокие резные ворота, и мы оказались на территории лагеря. В глаза сразу бросалось то, насколько эта территория огромная. Я увидела несколько больших построек и скверов. Нам не дали сразу пройти дальше, а выстроили на широкой дорожке за воротами. Перед нами стояла женщина в возрасте. Её серебристые волосы были собраны в пучок, а янтарные глаза устремили на нас орлиный взгляд. Она призвала к тишине. Она не улыбалась, а от взгляда на неё бросало в дрожь.

– Здравствуйте, ребята! – что-то внутри меня пришло в движение. Эти слова были как первый такт в симфонии. И симфония эта началась с тревожного минора. – Рада приветствовать вас! Я – Айседора Вячеславовна, директор этого лагеря для одарённых детей. Каждый из вас был выбран вместе с другими двумя детьми от вашей школы. Один из вас художник, другой – писатель, а третий – музыкант, – пока всё сходилось, но тревога почему-то не переставала медленно нарастать. – В течение смены вы будете тренироваться и обучаться с другими представителями вашего направления. Вы будете делать это для финального выступления, которое пройдёт в конце смены. Перед этим у вас будет неделя для того, чтобы подготовить совместный номер, объединяющий в себе работу художника, писателя и музыканта, выбранных от вашего учебного заведения. По итогам данного мероприятия жюри определит лучший номер, и та школа, представителями которой он был создан, получит звание самой творческой и искусной школы в стране, – симфония превратилась в фугу, набрав практически максимальную скорость. У меня внутри всё оборвалось. – В течение смены вы также будете получать баллы, кото-

рые зачтутся после финального выступления. Баллы можно получить за соблюдение порядка, участие в мероприятиях и помощь вожатым.

Ребята начали переглядываться, получив новую информацию о лагере. Всех распирали интерес, но заговорить никто не решался.

– Теперь уделите предельное внимание правилам лагеря, – продолжала директриса. – Запрещено выходить за территорию, нарушать распорядок, причинять вред в любой форме другим детям или вожатым, отказываться участвовать в занятиях. Полный список правил висит в ваших комнатах. Если кто-то их нарушит, он будет исключён из лагеря и досрочно отправлен домой.

При упоминании правил кто-то нахмурился, кто-то задумался, а кто-то недовольно скрестил руки на груди.

– Сейчас у вас будет пятнадцать минут, чтобы написать родителям и сказать, что вы добрались хорошо и что во время смены вы не сможете с ними связаться. Потом вожатые соберут у вас телефоны. После этого вас расселят по комнатам. Разложите вещи и обустройтесь. Потом вам проведут экскурсию по лагерю и отведут на ваше первое занятие. Вопросы есть? – за этим последовала гробовая тишина, прерываемая в моей голове лишь жестоким финальным аккордом, бьющим прямо по мозгу. Директриса выждала и закончила:

– Если вопросы появятся, спрашивайте своих вожатых или любых других взрослых. А сейчас напишите родителям и сдайте свои телефоны и прочие устройства связи.

Я стояла как вкопанная и еле-как очнулась, чтобы отправить сообщение маме, сдать телефон и пойти вместе со всеми. Всё было как в тумане. В ушах стоял белый шум. Почему мне никто не сказал о такой подставе? Честь школы придётся отстаивать, значит? Это же не отдых, а сплошная конкуренция! И как я с такими непутёвыми товарищами выигрывать собираюсь? Витя слишком сдержанный, а от Кирилла вообще ничего хорошего ждать не приходится. И я не сказать, чтобы виртуоз. Как же я буду выкручиваться, чтобы победить?

Глава 2

Первый день, а уже какой!..

Это вообще лагерь или резиденция премьер-министра? Пока нас вели в жилой корпус, все ребята в изумлении смотрели по сторонам. Каждое здание было в классическом стиле: светлое, с лепниной и величественными колоннами коринфского ордера, похожими на корзины из листьев. Мне такой стиль в архитектуре нравится больше всего. Как уже говорила, я обожаю классику. В жилом корпусе друг напротив друга располагались комнаты. На дверях были написаны названия школ, изображены их эмблемы и обозначения, для девочек комната или для мальчиков. Мы с Витей и Кириллом нашли наши комнаты и благополучно заселились. Повезло, что в своей комнате я буду жить одна. Но рассчитана эта комната на четверых, так что она довольно просторная. О месте для вещей можно не беспокоиться, потому что в коридоре есть большой шкаф, а возле кроватей стоят тумбочки. Напротив входа находится дверь в ванную, в которой есть туалет, раковина и целая ванна. Но стены и мебель все какие-то белые и бесцветные. Как в психушке. Удивительно, что даже из своей комнаты я слышала недовольные вопли Кирилла. Неожданная новость о соревнованиях ошарашила меня настолько, что вышибла из головы мысли, оставив только пустоту. Я вышла в коридор и увидела Витю.

– Виктор, а ты знал про то финальное выступление и всё остальное? Просто мне практически ничего не сказали про этот лагерь, и я не знала, чего ожидать. Это несправедливо, – я даже немного надулась.

– Я тоже ничего не знал. Галина Михайловна, наша классная руководительница, подошла к нам с Кириллом очень внезапно и почти ничего не объяснила. Сказала, что всю информацию отправит моим родителям, а там почти ничего не оказалось.

– По-моему, это как-то загадочно, – задумчиво сказала я.

– Ага, – тихо согласился Витя.

Потом нас всех собрали и повели на экскурсию. Для масштабов лагеря нас было не очень много человек, но прилично. Теперь я не могла видеть в остальных никого, кроме конкурентов. Но на полезные знакомства всё ещё рассчитывала. Во время экскурсии мы были в восторге. Никто даже не ожидал оказаться в таких шикарных условиях. В лагере было всё, что нужно, и даже больше. Тут были и жилой корпус, и просторная столовая, и банкетный зал, и огромная сцена, и актовый зал, и оранжерея, и галерея, и множество разных специализированных домиков для занятий, и спортивные площадки, и медпункт, и несколько скверов и аллей, и даже бассейн и большая библиотека. Все постройки были в том же классическо-романтическом стиле, в спектре от светло-розового до бежевого.

Мне сразу понравилось здание библиотеки. Оно было светло-жёлтое, квадратное с треугольной крышей. Отличное место для отдыха. Постройки соединяли широкие дорожки из мелкого камня, окаймлённые стриженными цветущими кустами и разнообразными стройными деревьями. Пахло листьями и свежестью. Я дотронулась до молодых еловых иголок, ещё ярко-салатового цвета, и ощутила их мягкость и прохладу. Пели птицы. Они попадались на каждом шагу. Территория была большая, так что у многих под конец экскурсии устали ноги. Самые важные здания стояли рядом, так что, если грамотно распределять время, можно было без труда везде успевать. Прогуливаясь по лагерю, я почувствовала, что нахожусь в своей стихии. Я успокоилась. Может, оно того стоит, что я здесь, и я смогу всё-таки отдохнуть, несмотря на все эти предстоящие соревнования.

Пришла пора идти на первое занятие. Нам позволили зайти за необходимыми вещами. Я захватила чехол со скрипкой и пошла на построение. Нас разделили на три группы по специальностям. В каждой группе оказалось по шестнадцать человек. Я послушно встала среди музыкантов. Мне показалось, что ребята из каждой группы даже внешне немного походили

друг на друга. Писатели в основном были в комфортной свободной одежде. Многие из них носили очки. Некоторые музыканты носили футболки или значки с исполнителями и много аксессуаров. Большинство были одеты тоже неформально, но более спортивно, чем писатели. А художники выглядели, пожалуй, ярче всех. В их одежде были акцентные детали, у кого-то виднелись следы вьёвшейся краски на руках. Некоторые ребята разговорились и не сразу отошли к своей группе, не желая расставаться с друзьями. А мы с товарищами всё время шли молча. Во время экскурсии я засмотрелась на здания и парки, Витя просто глазел по сторонам, Кирилл тоже молчал, видимо, оценивая обстановку.

Затем нас, музыкантов, повели в актальный зал, и мы неловко потащили свои разномастные инструменты. Там были ступеньки, расположенные полукругом, как в амфитеатре. На ступеньках были места. Мы расселись, и я обнаружила, что мест осталось ещё много. У стены стояли подставки для инструментов, а в центре находился блестящий рояль.

– Здравствуй, ребята! – начала звонким голосом молодая, стройная женщина. На ней была интересная асимметричная рубашка, а светлые волосы были собраны в элегантный пучок. Она выглядела уверенной и весёлой. – Меня зовут София. Можно просто Соня. Я буду вести занятия у вашей группы. Мы будем тренироваться, и я буду давать вам советы, основываясь на моём профессиональном опыте. Сегодня я предлагаю познакомиться, чтобы вы узнали, с кем вам предстоит провести смену.

Про себя я мрачно добавила: «И с кем нам предстоит соперничать на финальном выступлении».

– Давайте, каждый назовёт своё имя, город, из которого вы приехали, и инструмент, которым владеете. Вставайте, когда будете говорить, – тут она представилась первая. – Теперь давай начнём с тебя и пойдём в таком порядке слева направо по рядам.

Она указала на меня. Я не ожидала подвоха от того, что села на первый ряд с левой стороны. Ну что ж, возмущаться буду про себя, а отвечать надо. Я поднялась и чётко ответила на все три вопроса.

– О, я тоже раньше играл на скрипке, – вставил кто-то.

София тут же к нему повернулась и слегка раздражённо сказала:

– У нас здесь есть правило: мы говорим, только когда нас спрашивают. Если хочешь что-то сказать, нужно поднять руку.

Ничего себе! Здесь, значит, нужно знать все правила до того, как о них тебе расскажут. Надо будет на досуге прочитать свод правил. Другие ребята представились по очереди. Все играли на разных инструментах, в том числе на народных и совсем диких. Конечно, преобладали гитара, фортепиано и скрипка. Имена тоже были разные. Но меня насторожило, что города тоже отличались и ни разу не повторились. Но все названия городов были для меня знакомыми. Это могло означать только то, что от каждого крупного города выделили по одной лучшей школе и от них выбрали по три представителя. От меня также не ускользнуло и то, что София не спросила про возраст. И действительно, все примерно выглядели как дети, закончившие девятый класс. Им всем, как и мне, на вид было по пятнадцать-шестнадцать лет. Меня не покидала мысль, почему же нам сразу ничего не сказали про особенности лагеря? Может, от нас что-то скрывают? В моей голове уже начинала складываться картина. И всё же мне казалось, что я что-то упускаю. Вероятно, мне известно об этом лагере ещё далеко не всё. Я решила спросить напрямую и подняла руку.

– Ты что-то хочешь сказать? —обратилась ко мне София.

– Да. Могу ли я узнать, по какому принципу лагерь выбирал ребят, чтобы пригласить сюда?

– Я не знаю, – отмахнулась София. – Почему тебя это интересует?

– Потому что я хочу узнать, зачем мы здесь, – честно ответила я.

– Вы здесь затем, чтобы совершенствоваться в своём искусстве и получить новый опыт, – вожатая уже порядочно смутилась от моих вопросов.

– Нет, я имею ввиду, почему именно мы, а не кто-то другой? – не отступала я.

– Так, может хватит задавать такие странные вопросы? – не выдержала София. – Ты должна радоваться, что тебе выпал такой шанс. Ты же будешь учиться и развиваться с лучшими из лучших.

Последняя фраза заставила меня мысленно усмехнуться.

– Так, ладно. Давайте начнём нашу первую практику, – закрыла тему София. – В этот раз она будет не совсем обычной. Я буду играть на фортепиано любую мелодию, которую вы захотите, а вы мне подыгрывайте.

Странно, обычно учитель на фортепиано подыгрывает, а не наоборот.

– Давайте начнём с синтезаторов, – объявила София, села за большое, красивое фортепиано белого цвета и поставила ногу на педаль.

Несколько девочек принесли синтезаторы, потому что целый рояль привезти с собой было бы невозможно. Одна из них даже согласилась играть вместе с вожатой в четыре руки. Потом настала очередь гитаристов. И так, один за другим, ребята вызывались, а до скрипачей почему-то очередь не доходила. Хоть София и говорила, что мы сможем выбирать, что играть, композиции почему-то объявляла она. Она предпочитала классику, написанную в мажоре, поэтому я просто сидела и наслаждалась музыкой. Я старалась не волноваться, слыша то, насколько ровно и талантливо играют остальные. Я пыталась представлять, что просто слушаю музыку на каком-нибудь стриминговом сервисе. Особое удовольствие мне принесло выступление девочки, которая играла на арфе. Захотелось потом с ней познакомиться.

Как-то незаметно пролетело время, и оказалось, что не показали себя только мы с ещё одним мальчиком, у которого тоже был чехол для скрипки. Мы достали свои инструменты и встали по бокам от фортепиано. Я встала в позицию и посмотрела на мальчика. Он был высоким, с изящными чертами лица, вьющимися на концах каштановыми волосами и карими глазами. На нём была тёмно-синяя рубашка, чёрные брюки и лакированные туфли. Он действительно выделялся из толпы среднестатистических ребят, одетых в футболки и джинсы, и выглядел на их фоне взросло, статусно и ухоженно. Меня пробрал лёгкий трепет. София объявила, какую композицию собиралась играть. В ней один инструмент мог вступить не сразу. Мальчик предложил мне играть первой. Он прямо весь из себя джентльмен. Ну что ж, поехали. Музыка полилась прекрасной золотой рекой. Как это обычно со мной и бывает, меня захватил поток и понёс. Он сам направлял мой смычок и мои пальцы. Вокруг меня всё загорелось и замерцало, а сама я полетела. Я чувствовала, что прохожу сквозь мелодию, как нож сквозь мягкое масло. Я скользила вдоль него, а оно расступалось по бокам от меня. Это было так приятно! Каждый раз таю от осознания, что игра на скрипке – это то, что делает меня самым счастливым человеком на свете.

Но вдруг, ай! Что такое? Сливочное масло сменилось плотными кустами колючек, которые цеплялись за мой смычок и тормозили его, вынуждая усиленно пробиваться сквозь музыку. Это он, другой скрипач, начал свою партию. Просто он играл слишком хорошо. Как будто сам Бог в тот момент направлял его. Мне казалось, что человек не может так играть. Смотреть и слушать это стало для меня невыносимым. Моя игра начала казаться мне резкой и неловкой. Теперь я уже не могла оторвать взгляд от своего инструмента, ведь чувствовала, что в любой момент могу совершить ошибку. Я сжала зубы от напряжения. Я бросила взгляд на своего оппонента, и мне стало ещё обиднее, когда я увидела, что он вообще не напрягся, даже глаза прикрыл. А его блаженная, самодовольная улыбка меня добила. Остаток произведения длился мучительно долго. Я не могла дождаться конца. Когда мы закончили, и всё стихло, я почувствовала, что очень устала, прямо вымоталась.

Меня охватил гнев, и я решила на настоящее безумство. Попросила Софию сыграть часть самого сложного произведения, которое только знала. Первую часть сонаты №9 A-dur, ор.47 «Крейцеровой» Бетховена. У меня ни разу не получалось сыграть её без ошибок, но чрезмерное превосходство этого мальчика слишком сильно распалило меня. Как только я озвучила название произведения, София высоко вздёрнула брови, округлила глаза и даже слегка онемела. Она переспросила дрожащим голосом:

– Ты точно хочешь это сыграть? Ты же знаешь, что это необязательно?

Но я твёрдо встала в позицию, поставила смычок на струны и только коротко ей кивнула. Дальше я уже плохо помню, что происходило, настолько меня ослепила ярость. Помню только смутные ощущения. Будто я неслась навстречу ураганному ветру и постоянно спотыкалась, но каждый раз снова вставала, преодолевая боль, а может просто её не замечая. Я точно сделала много ошибок, но, когда закончила, почувствовала облегчение. Я большими глазами уставилась на ребят, которые мне зааплодировали. Потом я повернула голову и увидела, что София тоже хлопает мне. Но больше всего меня почему-то поразило, что тот другой скрипач аплодировал мне от души. А когда наши взгляды встретились, я увидела в его глазах открытое восхищение. Я поклонилась, как полагается, на все четыре стороны, после чего София провозгласила:

– И на этом замечательном выступлении я предлагаю закончить и пойти на ужин! Свои инструменты можете оставить здесь. Заниматься во время смены мы будем в этом здании.

Нужно было выстроиться парами. Обычно так делают только маленькие дети, но хоть за ручки братья не обязательно. Вожатая объяснила это поддержанием порядка. Я ни с кем подружиться не успела, поэтому встала в конец колонны. Но вдруг ко мне подошёл тот самый скрипач и сказал:

– Юля, могу я встать с тобой?

– Конечно можешь, – ответила я, немного смутившись. – Прости, я забыла, как тебя зовут?

– Дима. Я хотел сказать, что твоя смелость впечатлила меня.

– Ты о чём?

– Ты внезапно сыграла часть Бетховенской «Крейцеровой». Мне бы не хватило храбрости сыграть что-то настолько же сложное.

– Спасибо, – всё ещё удивлённо сказала я. – Если честно, я решила сыграть эту композицию, потому что была поражена твоей игрой на скрипке. У меня так никогда не получится.

– Правда? Я польщён. Но мне кажется, что ты тоже очень хорошо играешь, просто делаешь это по-своему. Сегодня ты всех впечатлила. Я считаю, что, если бы ты получила достойное образование, то стала бы великим музыкантом, известным во всём мире, и оставила бы своё имя в истории, наряду с великими композиторами, которые у всех на слуху.

Говоря это, он смотрел мне в глаза. Меня ещё больше поразила эта тирада. Я чувствовала, что Дима говорил искренне и беззлобно, что ещё сильнее сбивало меня с толку. Рядом с ним я почувствовала себя маленькой и ничтожной.

– Ты так свободно держишься, – невольно высказала я одну из захвативших меня мыслей.

– Ты тоже, – улыбнулся он мне. – Мы уже подходим к столовой. Тебя наверняка ждут ребята из школы, – проникательно отметил Дима. – До встречи завтра.

– Ага, пока, – только и успела сказать я, рассеянно улыбнувшись ему напоследок.

Я даже не заметила, как мы пришли в столовую. Ноги сами меня несли, а я была полностью увлечена разговором. В столовой я заметила Витю и Кирилла, пошла к ним за стол и села напротив Вити. Столы были длинные, но как-то так получилось, что мы сидели особняком. Еда была такого же уровня, как и весь лагерь, и вкусно пахла, да и выглядела безумно аппетитно. И тут до меня дошло, что у меня появился первый лагерный знакомый. Да ещё какой!

Моя мечта о полезных связях начала осуществляться. Я невольно расплылась в улыбке. Мои товарищи, видимо, это заметили, и Кирилл с наездом спросил:

– Чё лыбу тынешь?

– А? Да так, познакомилась кое с кем.

– Дружка что ль завела?

– Ещё нет, но надеюсь, что в будущем мы подружмся, – мечтательно проговорила я. –

А у вас как дела? Как первые занятия?

Витя сразу погрузнел и опустил взгляд, а Кирилл сказал:

– Да ничего особенного. Опять какие-то бездари попались. Я им показал, кто тут лучший и кто заслуженно здесь находится, а кому пора отсюда выметаться.

Тут я заметила, что прежде светлая одежда на нём перемазалась брызгами краски. И опять передо мной предстал этот образ, свет, забрызганный тьмой.

– А что случилось с твоей одеждой? – спросила я.

– А чё с ней не так? А, ты про краску. Так у меня половина вещей такие, я ж художник, – невозмутимо ответил мне Кирилл.

Тут-то я поняла его злобные помыслы. Какое коварство! Сначала разведывал обстановку и пытался казаться безобидным, а потом взял и показал свою истинную сущность. Он теперь даже внешне не скрывает, какой он наглец и грубиян. Я посмотрела вокруг и поняла, почему мы сидим в одиночестве. Ребята, по всей видимости, сторонились Кирилла. Когда я обернулась, то увидела, что те, кто был в художественной группе, шушукались со своими товарищами, глядя в нашу сторону. Но стоило Кириллу лишь слегка повернуть голову в их сторону, художники тут же испуганно смолкали и делали вид, что крайне увлечены приёмом пищи. Не хватало мне ещё плохую репутацию заработать из-за этого Кирилла. Бедный Витя. Он-то вообще сама невинность. Кстати, о Вите.

– Виктор, а как у тебя всё прошло? – поинтересовалась я.

– Всё хорошо, – почти прошептал он, хотя я прекрасно видела, что это не так. – Хотя скорее нет. Всё совсем наоборот. На нашем направлении ребята все такие талантливые, а я сюда попал абсолютно незаслуженно, по чистой случайности, – он замолчал и вдруг неожиданно выпалил, обращаясь ко мне. – Я растерялся и не смог ничего сказать. Нужно было написать короткую зарисовку, я написал, а показать никому даже не смог!

Он покраснел и выглядел так, будто вот-вот заплачет. Я сразу кинулась его успокаивать:

– Нет-нет! Ты тоже очень талантливый. И ты здесь абсолютно заслуженно. Тебя ведь выбрали из лучшей школы города, среди всех претендентов выбрали именно тебя. Тебя, можно сказать, посчитали лучшим во всём городе и одним из лучших во всей стране! Или ты не доверяешь тем, кто тебя выбрал?

– Конечно доверяю!

– Ну вот! Никого здесь не бойся. Ребята здесь хорошие, вот увидишь. Дай себе время получше узнать их, и ты уже не будешь бояться. Вообще они, наверное, наоборот, думают, какой ты гениальный писатель по сравнению с ними. Если хочешь, дай мне свой текст, я его прочитаю и честно скажу, хороший он или нет.

Похоже, у меня получилось приободрить Витю. Он достал сложенный листочек и протянул мне.

– Спасибо, – сказала я. – В свободное время обязательно прочитаю.

– И тебе спасибо, Юля.

Мне вдруг стало так хорошо и приятно. Я ощутила тихую радость от совершённого доброго дела. Кирилл тем временем не обращал на нас внимания. А отчасти не из-за того ли Витя такой зашуганный, что его Кирилл презирает? Ну ничего, зато теперь у Вити появилась я. Тут я уловила разговор вожатых за дальним столом. Наша компания сидела в углу помещения,

а слух, как и требует моё призвание, у меня был очень острым, поэтому я могла слышать, о чём они говорили. Это были вожатые всех трёх направлений.

– Ну и ребята мне попались... – говорила, по всей видимости, вожатая писателей.

– И не говори, – отозвалась София. – На моём есть одна необычная, вон там сидит... – судя по звуку, она повернула голову в нашу сторону. – Какие-то странные вопросы задавала. Мол, почему именно её выбрали в лагерь? А я-то откуда знаю? Но она неглупая, и талант у неё есть. Сегодня вообще, знаете, что учудила? Попросила сыграть одну из самых сложных музыкальных композиций, что я вообще знаю! Я думала, что сама её не выведу. Во даёт вообще!

– А у меня какой хам попался! – подключилась вожатая художников. На вид она была старше и строже всех. – Вот же он, рядом с твоей сидит! Он такой скандал закатил. Дала я, значит, им простое задание, нарисовать натюрморт с яблоками, так, для начала-то, а он возьми и залей всё краской. И себя, и пол, и стену, и картины других ребяташек. Ещё и всех задирать стал. Подумал, что я его недооцениваю. Так я же им задание и дала, чтобы оценить.

– Вы совершенно правы, Людмила, – поддержала её София.

– А этот третий, который с ними сидит, – начала писательница, – Как его зовут-то? Вася? Вова? В общем этот. Он вообще какой-то странный. Я его о чём-то спрашиваю, а он не отвечает. Ни работу свою показывать не хочет, ни объяснять ничего. Так же нельзя, людей игнорировать.

Мне от слов этой писательницы аж тошно стало. Да как она не понимает?! Витя же не может ответить! Хочет, но не может. С пониманием надо относиться!

– Странная это компания, – подытожила художница Людмила.

– Нужно будет с ними со всеми разговор провести, – вдруг объявила писательница.

– Ага. После ужина отвести к директору, – сказала София.

– Прямо сразу к директору? – уточнила писательница.

– Вообще-то этот художник нарушил правила, – неоспоримо напомнила Людмила. – А остальных можно будет после директора к психологу перенаправить, для профилактики.

На этом они и сошлись. Нет, так не пойдёт! Опять на меня всё оставили! Кирилла нужно будет отстоять, чтобы его раньше времени из лагеря не выгнали, а то останемся мы без художника. Может быть, даже пойдём вне зачёта. И Витю надо будет защитить, объяснить ситуацию. Остаётся надеяться, что психолог попадётся понимающий. Нужно как следует продумать план.

И тут раздался голос вожатой:

– Конец ужина!

Глава 3

Крыса в наших рядах

Что ж это такое? Ещё только первый день не закончился, а уже к директору вызывают! И как мне прикажете выкручиваться?

– Эй, ребята! Вы трое перед отбоем зайдёте к директору, – раздался над ухом голос Софии.

Этого я и ожидала. А вот Витя чуть не подпрыгнул, весь побледнел и затрясся. Его, наверное, никогда к директору не вызывали. Хотя меня тоже. А Кирилл широко ухмыльнулся и вдруг принял максимально спокойное выражение. Не пойму, что у него на уме? Его же сейчас отчитывать будут. Хотя, может, он уже привык. Все трое вожатых отвели нас к внушительному на вид дому. Там находилась администрация. На улице уже начало темнеть, и по небу разлились чернила сумрака. В кустах стрекотали кузнечики. Воздух стал влажным и пропитался напряжением, предвещавшим грозу. Мы поднялись по лестнице с красным ковром и вошли в кабинет директора. Забавно, наверное, идти к директору по красной ковровой дорожке. Но мне было не до смеха. Я отчаянно обдумывала аргументы и оправдания в нашу пользу. Директриса в строгом деловом костюме сидела за широким столом, а за ней находилось большое панорамное окно. Прямо как президент. Днём это, должно быть, светлая комната, но теперь она зловеще потемнела. Я засмотрелась по сторонам и не заметила, куда делся Кирилл. Он же с нами до самой двери кабинета шёл. Но тут начался допрос. Людмила вышла вперёд и стала отчитываться директору:

– Айседора Вячеславовна, эти дети нарушили третье главное правило лагеря.

– Как вы это объясните? – спросила нас Айседора. – Вы ведь знаете, какое правило нарушили?

Ну уж нет! Она даже ни в чём не разобралась! Я взяла себя в руки, настроилась на вежливый тон и начала защиту, как в суде:

– Я пока точно не знаю всех правил, но могу предположить, что оно о причинении вреда окружающим. Если это так, то это правило нарушил только один из нас, Кирилл. Он шёл вместе с нами сюда, но его почему-то сейчас здесь нет. Я думаю, что с ним вы можете поговорить, когда он придёт. Мне кажется, что произошло недопонимание. Если хотите, я объясню, почему нас с Витей тоже привели к вам.

И тут мимо меня прошёл он. Это определённо был Кирилл, но мозг отказывался его узнавать. Это был другой Кирилл. Если бы можно было представить идеального человека, это был бы он. Он как будто светился чистотой и непорочностью. Почему-то он был в точно такой же одежде, как и раньше, только в идеально чистой. Даже в светло-голубых глазах не осталось и тени той былой злобы, которая была в них буквально пару минут назад. Но я-то знала, что на самом деле глаза у него лживые. При виде того, как разительно изменился его образ, я впала в ступор и от бессилия сжала кулаки и стиснула зубы. Тут он начал говорить голосом, как у невинного ребёнка:

– Айседора Вячеславовна, вы меня вызывали?

– Мне сообщили, что вы, молодой человек, нарушили третье главное правило лагеря.

– Это которое «Запрещено причинять вред в любой форме другим детям и вожатым»? – процитировал он. – Не помню, чтобы такое делал. Не могли бы вы мне напомнить, как именно я нарушил это правило?

Он притворно чуть наклонил голову. Какой же он великий актёр! Я таких хороших актёров и не люблю за то, что от них всегда можно ожидать обмана. Они будто всегда не те, за кого себя выдают.

– Людмила, объясните? – велела Айседора.

– Он залил краской кабинет для занятий, себя и картины других детей, – сурово отпортовала Людмила.

– Извините, но как я мог залить себя краской? Вы же видите, что на мне нет её следов, – сказал Кирилл, слегка разведя руки.

И действительно, его светлая одежда с иголки была без единого пятнышка.

– Тогда посмотрите на кабинет, – не унималась художница.

– Боюсь, что даже если там что-то и было, то уборщицы всё уже убрали.

«Оперативно, однако», – подумала я.

– Так спросите уборщиц, – Людмила была в гневе.

– Хорошо, я займусь этим делом позже, – сказала Айседора, устало прикрыв глаза.

Наверное, у неё и так дел много, помимо всяких хулиганов.

– Но вы точно уверены, что не делали этого? – в последний раз спросила Кирилла директриса.

– Я клянусь, что правил не нарушал и не нарушу, – с чувством сказал Кирилл.

Если бы я его не знала, то так бы и поверила. На Айседору его убеждение тоже подействовало. А вожатым оставалось только стоять и хлопать глазами от бессилия.

– Тогда перейдём к вам, – обратилась директор к нам с Витей. – Вы точно правил не нарушали?

– Точно, – ответила я за двоих.

– Людмила? – повернулась к ней Айседора.

– К ним у нас другой разговор, – снова встрепенулась художница. – Я требую отправить их к психологу. У них наблюдаются проблемы с поведением.

– Хорошо, отведите их, – сказала Айседора, и глазом не моргнув.

Мы что, действительно похожи на ненормальных? Я не могла поверить своим ушам.

– Извините, можно... – вмешалась было я, но была резко прервана.

– Идите. Объяснять будете психологу, – отрезала директриса. – Ах, да. И этого тоже захватите, – добавила она, кивнув в сторону Кирилла.

– Вы уверены? – осторожно уточнил он.

– Я приняла такое решение. Может быть, нашему психологу удастся выяснить, чьи показания верные, раз они у вас расходятся, – сказала Айседора, исподлобья глядя на всех присутствующих.

– Я уважаю ваш выбор, – сказал Кирилл, почтительно склонив голову.

Всё шло не так гладко, как мне хотелось, но шансы на успех ещё оставались.

Вожатые отвели нас в медпункт в кабинет психолога и остались стоять за дверью. Кабинет был маленьким и создавал ощущение уюта. На многочисленных полках, закрывавших стены, стояли комнатные растения и книги по психологии. Уже почти стемнело, поэтому в комнате горел тёплый оранжевый свет.

– Добрый вечер, ребята. Заходите, присаживайтесь, – дружелюбно сказала нам молодая, приятная на вид женщина.

– Добрый вечер, – тихо сказал Витя, но никто, кроме меня, его не услышал.

Кирилл выдал уж слишком учтивое приветствие. Мы с Витей напряжённо сели на удобные стулья, а Кирилл расположился с таким видом, будто его не к психологу отвели, а в гости к любимой тётушке.

– Меня зовут Катя, – начала психолог. – Как у вас дела, ребята? Как прошёл первый день в лагере?

Я решила взять инициативу и поскорее закончить это дело.

– Приятно познакомиться, Катя. Я – Юлия. Я бы хотела побыстрее уладить недопонимание, которое произошло между нами и администрацией лагеря.

– Не волнуйся. Можешь не торопиться. Расскажи всё по порядку, – попыталась замедлить меня Катя.

– Хорошо. Начну с себя. Насколько я поняла, я попала сюда по той причине, что попросила сыграть и исполнила очень сложное музыкальное произведение. Вожатая посчитала это странным и привела меня сначала к директору, а потом сюда. Но я считаю, что имею право отличаться и выделяться из большинства. Ведь в моём поступке нет ничего плохого. А вообще мне кажется, что меня привели за компанию с моими товарищами. Возможно, они сами объяснят вам своё положение.

– Тогда давайте я скажу, – вмешался Кирилл. – В моём случае произошло досадное недоразумение. Меня оклеветали и обвинили в нарушении правил, хотя на самом деле я ничего такого не делал.

Кирилл мастерски изобразил обеспокоенность, и Катя сразу поспешила его поддержать. Она-то была не в курсе ситуации.

– Не волнуйся. Уверена, что в этом нет твоей вины, и во всём скоро разберутся.

– Правда? – наивно спросил Кирилл голосом полным надежды. – Спасибо вам большое. Тогда мне нечего больше сказать.

– А у тебя что случилось? – ласково обратилась психолог к Вите.

Я сидела рядом и видела, как он напрягся и уткнулся взглядом в сжатые на коленях кулаки. Потом он начал нервно перебирать руками, тереть край футболки, цепляться взглядом за окружающие предметы, всё ещё не поднимая головы, и шевелить губами, как будто пытаясь что-то сказать. Мне стало его невыносимо жалко, и я посчитала своим долгом ему помочь. Я уверенно начала, обращаясь к Кате:

– За Витю объясню я.

Потом я повернулась к нему и, улыбаясь, спросила:

– Хорошо?

Витя слабо кивнул, но, когда наши взгляды на мгновение пересеклись, я уловила в его глазах надежду и глубокую благодарность. Я тоже кивнула в ответ и продолжила:

– Насколько я понимаю, Витя стеснительный человек. Он ещё не привык к новой среде, к новым людям, поэтому ещё боится. Ему страшно говорить и показывать свои работы, – пока я говорила, Витя одобрительно кивал. В конце я добавила:

– Возможно, вы сможете помочь ему быстрее почувствовать себя более комфортно и уверенно.

Катя слушала меня внимательно и не перебивала. Когда я закончила, она сказала:

– Я поняла. Конечно, я буду рада помочь Вите.

Она обратилась к нему:

– Приходи сюда в свободное время. Я буду тебя ждать.

Витя уже было недоверчиво забеспокоился, но Катя тепло и дружелюбно улыбалась, и в итоге он кивнул.

– Вот и хорошо. Тогда мы, наверное, пойдём, – сказала я.

– Хорошо. Идите, ребята, – согласилась Катя, потому что было уже поздно. – До встречи, Витя. И вы тоже приходите, если что. Вы можете найти меня здесь в любое время.

– Спасибо. До свидания, – сказали мы с Кириллом, а Витя пробурчал что-то неразборчивое.

Катя оказалась хорошим человеком, но даже она как психолог не смогла раскусить притворства Кирилла.

За дверью нас встретили вожатые и отвели в корпус. Как только они ушли, Кирилл снова стал вести себя, как чёрт. Последующее я могла только слышать, но слышала очень отчётливо и боюсь предположить, что же при этом Кирилл делал.

Хоть уже и было время отбоя, ребята из соседней комнаты вышли на балкон и рассказывали анекдоты, создавая очень много шума. Кирилл вышел на балкон и заорал на них:

– Что, анекдоты травите? Тогда зацените мой коронный: Сидит лось на рельсах, к нему подходит другой лось и говорит: «Подвинься!» А теперь шуршите отсюда! Чтоб я вас больше не слышал!

Надо признать, его методы отлично работают. Он уже всех ребят и вожатых под свой контроль взял. Верный пример тому – наши соседи, от которых всю ночь не было слышно ни писка. Когда я улеглась, меня окружила тишина. Все в корпусе спали. Только мне не спалось. Я заново прокручивала и обдумывала многочисленные события минувшего дня. Я думала о Диме и Вите, уже начала придумывать идеи для финального выступления, продолжала ломать голову над оставшимися загадками лагеря. К последним добавилась тайна личности Кирилла. Я крутила в уме факты, но информации было слишком мало. Наверняка Кирилл делал всё это неспроста. Кто же он такой в конце концов, и что ему надо? Может быть, разгадав его мотив, я смогу с ним договориться.

Прошло уже немало времени, а я так и лежала и думала, глядя в стену. Вдруг я услышала в коридоре шаги. Я замерла и прислушалась. Я услышала, как кто-то совсем рядом приоткрыл дверь. Я как можно тише подошла к двери и заглянула в замочную скважину. В дверном проёме комнаты напротив стоял Кирилл и с кем-то тихо переговаривался. А на полу в луче слабого лунного света лежала зловещая тень. Я не могла разобрать слов, но тембр голоса собеседника был низким, а тень слишком уж большой и широкой. С кем же Кирилл разговаривал? Я не могла расслышать их разговор, но мне казалось, что я слышала слова «объект», «наблюдение», «не раскрывать», «завтра», «отчёт», «передача», «влияние». Это звучало очень пугающе. Вдруг в моей голове молниеносно мелькнуло осознание: «Кирилл что, секретный агент?»

Глава 4

Природа объединяет людей

Что же ещё скрывает этот дьявол по имени Кирилл? Если бы я знала, что случится дальше, у меня бы не возникало таких мыслей. Теперь я чувствовала настоящую опасность. Мне казалось, что, если пошевелюсь или «они» услышат моё дыхание, то расправы мне не миновать. Передо мной уже стояли самые ужасные картины. Но Кирилл и «тень» говорили недолго, и скоро дверь закрылась, и всё погрузилось во тьму. Так я вообще не засну! Это, конечно, мог быть какой-то вожатый, которого я не заметила ни на построении, ни в столовой, ни в течение всего дня, но это мне кажется маловероятным. А какому-нибудь уборщику или другому персоналу незачем стучаться к детям посреди ночи. Тем более что никакого стука я не слышала. Теперь я зацепилась за мысль, что Кирилл договорился с кем-то тайно встретиться и передавал ему какие-то данные. Это подтверждали и его тревожащие слова. Я уже почти убедилась, что Кирилл – тайный агент. Но всё же это было не проверено, и другие варианты никто не отменял. Поэтому я решила, что ещё послежу за Кириллом и разузнаю про него побольше. Что бы я ни думала, а всё-таки мне удалось заснуть. Но проспала я совсем недолго, поэтому чувствовала себя просто ужасно. Но я ещё не знала, что ждёт меня дальше.

На обыденные вещи я не обращала особого внимания, а была погружена в свои мысли и ходила, как в тумане. Но правила я всё-таки не забыла прочитать, хоть сконцентрироваться на них стоило мне немалых усилий. Погода была пасмурная и серая, все ожидали дождя. Но то, что мы услышали на утреннем построении, опять выдернуло меня из моего туманного состояния. Айседора, стоявшая перед нами, торжественно объявила:

– Сегодня вечером состоится ваш первый концерт в этом лагере. Его темой будет «Природа объединяет людей». Вам нужно будет работать в команде всем вашим направлением и создать общее произведение на тему природы. В течение дневных занятий вы будете готовиться к концерту вместе со своими вожатыми. Ребята, проявившие себя лучше всех, получают баллы для финального выступления. Для тех, кто не знает, скажу, что в наш лагерь в качестве жюри на концерты приезжают знаменитые творческие люди. Вероятно, вы их знаете. Желаю всем проявить себя и хорошо поработать в команде.

Ребята начали перешёптываться, особенно о жюри, гадая, какие знаменитости приедут. Если Кирилл действительно агент, то должен как-то выдать себя в связи с приездом важных шишек. Вот только в чём его задание и как оно соотносится со столь вызывающим поведением Кирилла? Так, стоп! Лучше мне беспокоиться о предстоящем концерте, ведь это первая возможность заработать баллы, а значит, первый шаг к победе на финальном выступлении.

Мы позавтракали, разошлись на занятия и приступили к самому интересному. София встала перед нами и сказала:

– Так как работа командная, давайте вместе выберем произведение, которое будем исполнять. А потом потренируемся играть его в оркестре. Руку во время обсуждения можете не поднимать. Главное, не перебивайте.

Ребятам понравилась эта идея. Они начали предлагать разные варианты, перечисляя все известные им композиции, так или иначе связанные с природой. Я тоже не осталась в стороне.

– Я предлагаю «Времена года» Вивальди.

– О, прекрасно! – оживилась София. – Я тоже об этом думала. Это одно из моих самых любимых музыкальных произведений. Если возражений нет, давайте возьмём его.

Оказалось, я попала в точку. Не сказать, чтобы я была рада, ведь получилось как-то нечестно. Моему предложению как будто подсудили, а другим вариантам даже не дали шанса. Но Софию было уже не остановить.

– Давайте теперь выберем часть, которую исполним, – продолжила она.

– Давайте сыграем «Зиму», вторую часть, Ларго, – вдруг сказала милая девочка, которая играла на арфе. – Это моя любимая часть во «Временах года» Вивальди.

Девочка была такой милой, что ей было невозможно отказать. Наверное, поэтому София и согласилась:

– Замечательная идея.

– Но в этой части солирует скрипка, а от нас ожидается командная работа на концерте, – предостерёг Дима.

Какой же он благородный! Дима же сам скрипач и мог исполнять лидирующую роль, но хотел, чтобы у других тоже был шанс себя проявить. Он не перестаёт меня восхищать. Но София была другого мнения.

– Ничего страшного. Вы с Юлей будете солировать, струнные будут вам подыгрывать, а остальные – держать фоновую мелодическую линию, – София хлопнула в ладоши, тем самым утвердив наш выбор. – Раз мы решили, давайте приступать к репетиции. Нам предстоит много работы.

Она не обманула. Мы играли эту композицию снова и снова. У меня даже не было возможности опустить руки. Ещё и этот Дима. Мне он нравился как человек, но как музыкант он меня раздражал и заставлял чувствовать себя абсолютно бесталанной. И София постоянно ко мне придиралась, потому что на мне была такая большая ответственность – ведущая роль.

Как бы то ни было, а на обед мы все пошли уставшие, голодные и немного злые. На наше счастье объявили, что после обеда у нас будет свободное время. Я решила его использовать для выполнения важного дела. Я пошла в библиотеку, села за стол в читальном зале и стала читать текст, который дал мне Витя. Мне хотелось прочитать его именно в библиотеке, потому что там было уютнее всего. Это оказалась небольшая зарисовка с описаниями природы, пронизанная темой дружбы. Она была такой простой и наивной, такой светлой. Я видела Витю в каждом её слове. Такую историю и такими словами мог написать только он. В своём творении он был таким счастливым и открытым всему миру. Было бы очень здорово, если бы он всегда был таким и в жизни. Когда я дочитала, то вздохнула, задумчиво подняла взгляд и увидела перед собой девочку, которая умеет играть на арфе. Она стояла передо мной в лёгком платье светло-жёлтого цвета и смотрела на меня своими спокойными, светло-голубыми глазами. Тут я поняла, что рассказ Вити так меня затянул, что я смотрела на эту девочку счастливым взглядом и блаженно улыбалась.

– Что читаешь? – спросила она, с любопытством глядя на листок бумаги у меня в руках.

– А? Это рассказ моего друга, – её появление самую малость смутило меня. – Он писатель. Если тебе интересно, его зовут Витя. Не знаю, захочет ли он, чтобы этот текст видел кто-то ещё кроме меня, – предугадала я её последующие вопросы.

– Как тебя зовут? – вдруг спросила она.

– Юля. А тебя как?

– Октавия.

– Какое красивое имя! – искренне удивилась я.

Сейчас у многих необычные имена, но такого я ещё не слышала. А оно как нельзя лучше подходит музыкантке.

– Спасибо. Мне все так говорят, – повела плечом она, отбрасывая назад длинные светлые волосы.

Потом мы ещё немного поболтали. Оказалось, что её называли Октавией потому, что она родилась в Августе, восьмом месяце, а «осто» на латыни означает «восемь». Но люди обычно связывают её имя с музыкой, когда узнают, что она играет на арфе, потому что в музыке есть октавы.

Пока мы беседовали, она сидела напротив окна, купаясь в ярком солнечном свете. На меня Октавия производила впечатление ангела. К тому же ангелочков часто изображают

играющими на арфе. Ей не нужно было притворяться, как Кириллу, чтобы выглядеть, как ангел. Я даже не успела понять, как прервался наш разговор. Она встала и бросила: «Мне пора», – и скрылась за дверью библиотеки. Мне на мгновение показалось, что в отсветах солнца за её спиной я вижу белые крылья. Мне почему-то захотелось крикнуть ей вслед: «Постой, не уходи!» – но это было бы глупо. Вот что творят эти ангелы. Вскоре после её ухода я пришла в себя и отправилась на поиски Вити, чтобы поделиться своими мыслями о его работе. Я встретила его идущим по дорожке.

– Привет, Виктор! Что делаешь? – спросила я, быстро подходя к нему.

– Здравствуй, Юля! Я только что ходил к психологу.

Витя выглядел радостным и открытым.

– Вижу, занятие с психологом пошло тебе на пользу.

– Да, так и есть, – уверенно подтвердил он.

Мы сели на скамейку, и я достала листочек с Витиной работой.

– Слушай, Виктор. Я прочитала твою зарисовку. Если честно, мне она очень понравилась. Здорово, что у тебя есть свой стиль. Я чувствую его в каждом предложении. По-моему, в твоём рассказе хорошая атмосфера, хорошо переданы эмоции. Описания тоже прекрасные. Правда, в некоторых местах длинновато и слишком загруженные предложения. Но ты пишешь грамотно, и это очень ценно. Так что не бойся показывать всем свои работы и учиться вместе с остальными. И спасибо, что решился поделиться со мной.

Мне кажется, я не очень хорошо умею выражать свои мысли и чувства, но, думаю, Витя всё понял. Он напряжённо и внимательно слушал меня, а под конец глаза у него загорелись энтузиазмом, и он сказал мне:

– Это тебе спасибо большое! Я так рад, что тебе понравилось! И спасибо за конструктивную критику. Я всё учту.

Мы смотрели друг на друга и улыбались, и этим уже всё было сказано. Я протянула Вите листок, но он сказал:

– Можешь оставить его себе. Если хочешь, можешь показывать его другим.

– Правда? – не поверила я. – Спасибо, Виктор.

Теперь я смогу показывать рассказ Вити таким же интересующимся, как Октавия.

Катя и правда оказалась хорошим психологом, раз за один сеанс смогла сотворить с Витей такое чудо. Может быть, после лагеря он станет таким же, как в своих рассказах. От этой мысли я заулыбалась ещё сильнее. Но после моих слов улыбка на его лице слегка померкла. Он отвёл взгляд и замешкался. Будто хотел мне что-то сказать, но не решался. Я подождала и уже хотела помочь, как вдруг наконец он решился.

– Почему... ты для всех называешь меня Витей, а ко мне обращаешь полным именем? – запинаясь, выпалил он.

– Ой, прости! Просто я не знала, как к тебе обращаться. Когда мы в первый раз встретились, ты представился полным именем, вот я и подумала...

Да уж, неловко получилось. Так и знала, что нужно было его спросить. Я замялась, и тут он неожиданно сказал:

– Давай ты будешь обращаться ко мне «Витёк». А перед другими можешь продолжить называть меня Витей. Если ты не против, конечно, – сказал он и добавил: – Учителя и другие взрослые называют меня Витей, а Витьком меня называет моя бабушка.

Мне поразила такая неожиданная откровенность.

– Конечно. Как скажешь, Витёк, – немного рассеянно улыбнулась я.

Потом у нас закончилось свободное время, и мы снова разошлись по своим делам. Нужно было завершить последние приготовления перед концертом. Мы отрепетировали, как выйдем на сцену, как будем стоять, как выходить на поклон и уходить. Сделали финальный прогон.

Незаметно подкрался вечер, и наступило время концерта. Нам дали переодеться в комнатах, после чего рассадили в зрительном зале перед сценой под открытым небом. По горизонтальным рядам сидений располагались направления, а по вертикальным – школы. Я села в ряд с музыкантами, а передо мной расположились сначала Витёк, а потом Кирилл. В первом ряду сидели сотрудники лагеря и приглашённые члены жюри. Гости действительно оказались очень известными медийными личностями, и нашлось немало желающих взять у них автографы. Но Кирилл почему-то не проявлял по отношению к ним никакого интереса. Со своего места я могла спокойно наблюдать за действиями Кирилла и держать его в поле зрения. Ещё получилось так интересно, что наша школа была с самого левого края. Я так пока и не поняла, по какому принципу определяли порядок школ.

Вожатые переживали, как бы не пошёл дождь и не пришлось переносить концерт в помещение. Но мероприятие всё-таки решили провести на улице. Сначала директриса вышла на сцену, поприветствовала гостей и объявила тему концерта. В это время художники выстроились с правой стороны, где находились ступени на сцену. Айседора закончила говорить и сошла со сцены, и начали подниматься художники. Они выстроились полукругом, разорванным посередине. Реквизиторы вынесли картину на большом холсте и поставили в центр, между ребятами. Слева от картины стоял Кирилл. Опять в своём безупречном притворстве. Какой-то мальчик объявил, что они совместно нарисовали эту картину и сейчас расскажут каждый про свою часть. Это был живописный пейзаж. Тут были и поля, и леса, и реки, и озёра, и горы... Глядя на эту картину, я будто попала в самое красивое и живописное место в России. Всё было нарисовано в реализме, как на картинах классиков из художественных галерей. Ребята по очереди начали рассказывать, кто нарисовал какую часть флоры или фауны. Сначала выступали ребята по бокам, потом продвигались в порядке, в котором стояли, постепенно приближаясь к середине. По мере приближения к центру во мне всё зарождалось какое-то недоброе предчувствие. Почему-то никто ещё не рассказал про небо. Все рисовали что-то только на земле. Напряжение во мне всё нарастало, и я стала что-то подозревать. Но это же невозможно!

Выступили все, кроме Кирилла. Он медленно сделал шаг вперёд и неторопливо проговорил:

– Меня зовут Кирилл. В нашей совместной картине я отвечал за небо. В своей работе я использовал...

Дальше я не помню, что он говорил. Я неосознанно раскрыла рот и уставилась на грозное небо, казавшееся даже более реалистичным, чем небо у меня над головой. Да оно занимало чуть ли не полкартины! Тут только я поняла, насколько же сильно оно отличалось от земли на пейзаже. Всё было нарисовано правдоподобно, но только небо было настоящее. От него не хотелось отрывать взгляд. И даже когда выступление художников закончилось, я смотрела на слегка светящиеся облака, пока они не скрылись за кулисой, унесённые реквизиторами. Только потом я очнулась и поняла, что писатели уже выстроились с правой стороны, готовые подняться на сцену.

Нет, это не может быть правдой! Я отказываюсь в это верить! Невозможно так хорошо и при этом быстро рисовать в его возрасте. Это даже не его стиль. Кирилл – не человек!

– Ты готова к выступлению? – вдруг шепнул мне Дима, сидевший рядом. – София спрашивает. Нам нужно будет заранее встать перед сценой. Скоро пойдём.

Я вздрогнула и невидящим взглядом посмотрела на Диму.

– Ага, – неосознанно прошептала я, даже не понимая, что он сказал.

– Ты в порядке? – обеспокоенно спросил Дима.

Всё-то он видит и понимает.

– Ты видел, что сделал Кирилл? – сказала я чуть громче, чем следовало.

На нас зашикали, и я вжала голову в плечи и зарылась рукой в волосы.

– Ты про того, который был ответственным за небо? – уточнил Дима. – Да, я согласен, что он невероятно одарённый. Однако, сейчас нам нужно думать только о том, как мы выступим.

– Ты что? – горько усмехнулась я. – Да после такого мы своей игрой никого не удивим. По сравнению с ним мы – ничто. Он с самого начала затмил нас своим сиянием.

– Юля! Остановись!

Я недоумённо посмотрела на него. Слова Димы словно окатили меня холодной водой.

– Прекрати себя накручивать. Нужно верить, что мы справимся. Тем более, у нас ещё есть все шансы получить баллы. Нужно только отличиться. Ты забыла об этом? Каким бы ни был Кирилл, ты тоже очень талантлива. И ты здесь абсолютно заслуженно. Вообще Кирилл, наверное, наоборот, подумает, какая ты гениальная скрипачка, когда увидит наше выступление.

Меня как громом поразило. Я вспомнила, что говорила то же самое Витьку. Почему же я теперь из-за какого-то Кирилла потеряла голову и забыла о своих же словах?

– Покажи всем свой талант, – продолжал Дима. – Я тебе подыграю, а ты лидируй и веди всех за собой.

– А как же ты? – не поверила я.

– Я тебе доверяю, – твёрдо сказал Дима и кивнул мне.

Приближалась наша очередь. Мы подошли к краю сцены и стали ждать. Меня трясло крупной дрожью, и я тщетно пыталась успокоиться, но теперь поняла, что не могу подвести Диму, поэтому буду сиять ярче Кирилла и всех остальных этим вечером. Пусть присутствующие запомнят меня на всю жизнь!

Вдруг я услышала голос Витька. За своими переживаниями я совсем не заметила, как писатели начали выступать. Они читали один длинный стих. Как в школе на праздники, каждый читал по кусочку. Должно быть, каждый сочинил по четверостишию и теперь рассказывал свою часть. У Витька были такие прекрасные строки про песню жаворонка. Он декламировал их с выражением, но не как на конкурсах выразительного чтения, а как школьник у доски, с постоянным ровным ритмом. Я вдруг почувствовала гордость за Витька. Когда писатели закончили выступление и проходили мимо нас на свои места, я шепнула ему: «Молодец!»

Он запоздало оглянулся на меня, и в его глазах опять появился блеск маленьких звёздочек. Но сейчас мне предстояло стать самой яркой звездой этого вечера. Мы друг за другом поднялись на сцену и встали на свои места. Реквизиторы уже расставили наши инструменты. Октавия взяла микрофон и объявила:

– Наше направление музыкантов радо представить вам оркестровую аранжировку произведения Вивальди «Зима», вторая часть, Ларго из цикла «Времена года».

Я встала в позицию и замерла, отсчитывая последние секунды. Ну, с Богом! Осторожно начав, я вдруг почувствовала, что остальные поддерживают меня и мою партию. Дима, который стоял рядом, специально стал играть менее заметно, не перекрывая меня, позволяя вести его с остальными за собой. Тогда я почувствовала силу. Ощутила, что могу служить для других опорой и ориентиром, а они будут меня поддерживать. Я поняла, что снова могу играть свободно и легко. Начала вкладывать в свою игру чувства и скоро заметила, что абсолютно все зрители смотрят на меня. Тут я и засияла. Мой свет практически можно было увидеть, золотистый и такой яркий, как никогда прежде. В этот момент я осознала, что просто обожаю находиться на сцене. Я упивалась моментом, музыкой, ощущениями. Счастье было в сто раз сильнее, чем на обычных репетициях. У меня обнаружилась чудесная способность делиться прекрасным с другими людьми, вдохновлять их, помогать им свои искусством. В такие моменты человек понимает, что он по-настоящему счастлив.

Когда произведение подошло к концу, зал взорвался аплодисментами. Я ликовала и праздновала своё торжество. Когда мы сошли со сцены и расселись на свои места, я немедленно сказала Диме:

– Спасибо тебе! Ты был прав. У нас получилось.

Мой восторг не уместился в простое «спасибо». Но как сделать нечто большее, не знала.
– Я счастлив за тебя, – просто сказал Дима.

– Я тоже.

Потом неожиданно директриса объявила, что исполнит гимн лагеря. София села за фортепиано, явно собираясь ей аккомпанировать.

– Не знала, что она певица, – шепнула я Диме.

– Да? Это же легендарная оперная певица Айседора Смилянская, – удивился Дима моему неведению.

– А, вот как, – в ответ удивилась я. – Никогда о ней не слышала.

С первых нот гимн лагеря вызвал у меня необычный трепет. Сначала мне показалось, что его слова показались консервативными. Но потом я поняла, они, скорее, из тех, что сохраняют свою актуальность в любые времена. Там было про дружбу, единство, свободу, стремления, совместное преодоление трудностей. Голос Айседоры завораживал, но меня заставило отвлечься какое-то движение впереди. Я посмотрела перед собой и увидела, что Кирилл как-то вздрогнул, схватился за голову и вроде бы тяжело задышал. Дальше он что-то рывкнул своему соседу, пригнулся и юркнул в ближайшие кусты. Все в этот момент смотрели на директрису и ничего не заметили. Нельзя было дать Кириллу улизнуть, поэтому я тоже шмыгнула в кусты и пошла за ним. Нужно было, наверное, предупредить Диму и попросить прикрыть меня, но возвращаться было уже поздно.

Начал накрапывать дождь. Я следовала за Кириллом, держась на расстоянии и пригнувшись. В конце концов он зашёл в застеклённую беседку с тамбуром и скрылся внутри неё. Я немного подождала, но парень так и не выходил. Поэтому я решила застать его врасплох, подбежала к беседке и резко распахнула дверь. Врасплох-то я его, конечно, застала, но никак не ожидала застать его в таком виде. Кирилл сидел в углу, уткнувшись лицом в колени, и... плакал? Он поднял на меня свои большие, красные глаза и снова спрятал их в коленях. Он был похож на маленького ребёнка. От такого зрелища я сначала застыла и некоторое время стояла на месте, глядя, как Кирилл всхлипывает и вздрагивает. Я закрыла дверь тамбура, осторожно подошла и села рядом с Кириллом.

– Ты... в порядке? – неуверенно начала я, боясь навлечь на себя его гнев. – Что случилось?

Но Кирилл почему-то не отзывался. Меня удивило, что он не стал обзывать или пытаться прогнать меня.

– Ты хочешь со мной об этом поговорить? – я не оставляла попыток подступить к нему.

И тут он посмотрел на меня такими несчастными глазами. В них как будто была боль, сдерживаемая не один год. Похоже, Кирилл впервые за долгое время разрыдался.

– Юля, спаси меня! – взмолился он надорванным голосом.

В то же время раздался первый раскат грома, а по окнам забил сильный дождь. Я запаниковала. Как я могу его спасти? Кирилл немного успокоился, повернул голову ко мне и вдруг стал безостановочно говорить, то шёпотом, а то срываясь на крик.

– Юля, помоги, пожалуйста! Они придут за мной, за тобой! Прости. Я тебя обманул. Прости, прости! Это всё не то, чем кажется. Это не лагерь, а площадка для социально-психологических экспериментов. И вы здесь всего лишь лабораторные крысы, а я – инструмент для исследований. Они ставят эксперименты, хотят узнать влияние стрессовых ситуаций на творческие способности и поведение детей. Они сошли с ума, они нас всех уничтожат! А я здесь нужен только для того, чтобы терроризировать ребят и вожатых, фиксировать ваши реакции и передавать эту информацию внедрённому учёному. Они живут здесь, сидят в своём тайном логове. Но они знают всё. Они всё узнают и заберут меня! Они... Ай! Не надо!..

Кирилл вскрикнул и замахал руками. От этого я невольно вздрогнула и немного отодвинулась.

– Не пугайся! – спохватился он. – Это я не тебе, а им. Какой я плохой! Я тебя совсем напугал. Теперь ты бросишь меня, и я опять останусь один! Прости, прости, я начну сначала.

Он судорожно, но глубоко вздохнул, спешно вытер глаза рукавом, посидел пару мгновений молча и тихо продолжил.

– Этот лагерь – площадка для социально-психологических экспериментов. В этом году здесь исследуется влияние тирана на творческие способности и поведение детей. Каждый день я... Ты видела, что я делаю. А ночью ко мне приходит внедрённый сотрудник, который работает на корпорацию учёных. Эти коварные предатели живут в засекреченном объекте прямо на территории лагеря и каждую ночь приходят ко мне. И это только один из проектов этих учёных! Этот лагерь они создали сами, чтобы использовать для своих негуманных экспериментов. Но на самом деле, они засылают своих людей везде, где есть талантливые дети. Это они прислали меня в нашу школу. Я там тоже столько всего натворил! А в других школах тоже есть такие дети, как я, – он с ненавистью поморщился. – А берут они нас не по нашей воле. Конечно! В раннем возрасте они забрали меня из детдома и воспитали, как им требовалось. Меня натренировали, как собачонку, чтобы я мог влиться в любую среду, встроиться в любой коллектив и сыграть любую роль, какая им понадобится. Меня лишили личности, надо мной издевались, меня пытали! Я так больше не могу! Не могу больше обманывать! Я хочу друзей, свободу, счастье! Хочу жить, как поётся в гимне этого лагеря! Но я не могу от них освободиться. Я пробовал, и не раз. Один я ничего не сделаю с такой масштабной организацией, – тут он страшно изменился в лице, его глаза померкли, а голос стал хриплым. – А может, и подделом мне за все мои грехи. Может, я просто ничтожество, не заслуживающее прощения. Кто я, Юля? Ответь мне.

Я смотрела на него, находясь в полном шоке. Что? Что происходит? Почему он мне это рассказывает? Что же мне делать? Но сначала нужно было ответить на его вопрос. Кто же ты, Кирилл?

Он сидел на полу, в тени, изредка озаряемый молниями. В их жутком свете мне казалось, что я вижу цепи, сковавшие Кирилла по рукам и ногам. Стёкла дрожали и звенели с такой силой, будто в следующую секунду вылетят и разобьются миллионом осколков. А Кирилл смотрел на меня молящим взглядом, полным отчаяния, будто то, что я сейчас скажу, и определит его сущность. Я усилием воли взяла себя в руки и сосредоточилась на единственном вопросе. Кто он? Раньше я думала о нём только как об ангеле или демоне, свете или тьме. Но теперь я не вижу в нём ничего. Но нет же! Вижу, что в нём есть и то, и другое! Теперь я знаю ответ.

– Кирилл, ты – человек. Ты не инструмент и не чудовище. Не свет и не тень. Ты обычный человек, как и все остальные. Теперь я это вижу.

В ответ на мои слова Кирилл снова заплакал, а потом звонко засмеялся. Это было немного жутко. Вихрь за окном совсем разбушевался. Мне стало страшно. Во мне зародилось сомнение.

– Почему ты решил открыться именно мне?

Кирилл перестал смеяться и плакать и ответил:

– Я увидел в тебе друга и хорошего человека. Ты очень добра ко всем, всем хочешь помочь. Я тобой восхищаюсь и хочу с тобой дружить!

Я не могла поверить своим ушам. Кирилл сказал это с такой детской лёгкостью и прямоотой.

– Ты правда обо мне так думаешь? – спросила я недоверчиво.

– Да! А ещё ты всегда себя принижаешь по отношению к остальным, а на самом деле ты – лучшая из нас. Небось, подумала, что ты ничтожество, когда увидела мою работу на концерте? Ты гораздо лучше, чем сама думаешь.

Наверное, я и правда такая, как сказал Кирилл. Дима тоже говорил мне, что на самом деле я очень крутая. У меня защипало глаза от всех нахлынувших эмоций. Кирилл тронул меня за живое.

– На самом деле, это не все причины, – признался Кирилл. – Хотя, пожалуй, самые важные. Я знал, что ты о чём-то догадываешься. Наверняка подслушала мой разговор с учёным. Ты неглупая, всё равно бы догадалась, а мне бы только сложнее было.

– А почему ты решился открыться именно сейчас? Это из-за гимна лагеря? – догадалась я.

– Да. Просто в детстве я слышал что-то очень похожее. Это напомнило мне о тех разгах, когда я пытался сбежать... – Кирилл вдруг посерьёзней. – Но... ты мне веришь?

Я открыла рот, чтобы ответить положительно, но в последний момент задумалась. Кирилл всё-таки сам признался, что он идеальный актёр и предатель. Это признание могло быть частью эксперимента или его личной прихотью. Всё же Кирилл обладает большой силой, которая меня пугает. Тут гром особенно сильно сотряс небо, так что показалось, что земля тоже задрожала.

– Ты мне веришь? – испуганно повторил Кирилл.

Решаться нужно было быстро. Я втянула воздух и сказала:

– Верю!

– Ты спасёшь меня?

– Я помогу тебе, чем смогу.

Кирилл застыл, глядя на меня глазами, полными благоговения и благодарности. Наверное, он такого и не ожидал. Мне показалось, что дождь начал стихать. Я встала и подала Кириллу руку.

– Наши друзья тоже помогут. Сделаем это вместе!

Кирилл ещё сильнее округлил глаза и взял мою руку. Я помогла ему подняться. Казалось, всё было хорошо, но тут дверь тамбура распахнулась, и в беседку вошёл Витёк. В тот же миг сверкнула молния, пронзившая небо насквозь. Взгляд Витьки горел яростью, а он сам тяжело дышал.

– Юля, что ты делаешь? Я всё слышал. Отойди от него! – крикнул он мне. – Ты! Мерзкая, двуличная тварь! Хулиган! Обманщик! Изменник! Идиот! Балда! Дурак! Чёрт! – он осыпал Кирилла всем своим скудным арсеналом ругательств. – Ты столько лет меня обманывал! И других людей тоже. Сколько зла ты причинил и ещё причинишь! Я тебя никогда не прощу!

Витёк попытался кинуться на Кирилла с кулаками, но я его остановила.

– Стой, Витёк! Ты ведь слышал наш разговор? Тогда ты должен понимать, в каком положении находится Кирилл.

– Это ты должна понимать, что ему нельзя верить. Он же работает на само зло!

– Но, Витёк...

– Ай, тебе всё равно не понять! Он не обманывал тебя целых девять лет подряд.

– Да, мы с ним и правда познакомились только недавно, но нельзя бросать Кирилла в такой беде. Ты посмотри на него. Он и так в жизни многого натерпелся. Я только дала ему надежду. Послушай, вместе мы сможем ему помочь.

– Он же может просто тебя обманывать. Опять. Он же сам сказал, что только для этого и был создан.

Я видела, что Кирилл еле сдерживался, чтобы самому не кинуться на Витьку. Витёк в этот момент был сам на себя не похож. Тут сильнейший порыв ветра налетел на беседку. Он чуть не сбил меня с ног, хоть я и была защищена стенами и окнами.

– Витёк, подумай! Он и так нам открылся, так что если всё, что он сказал, – правда, то мы уже в опасности, как и он. Если он не соврал, мы должны его спасти. Сильно хуже уже не будет.

– Он может нам навредить.

– Ну и пусть, – упрямылась я. – Поставь себя на его место. Что, если бы ты прожил пятнадцать лет, не имея ни друзей, ни свободы, ни собственной личности, ничего?

Мне тоже пришлось перейти на крик. У Витька, наверное, было хорошо развито воображение, поэтому он замолчал и застыл с глазами, полными ужаса. Он, похоже, представил себе пытки, которым подвергался Кирилл все эти годы, как его ломали. По его щекам пробежали дорожки слёз.

– Прости меня, Кирилл. Я тебе верю, – прошептал он, спрятал лицо в руках и начал всхлипывать.

Слава Богу, что всё обошлось! У меня от всеобщего настроения тоже заслезились глаза. Дождь стремительно начал стихать. Когда мы успокоились, и дождь окончательно перестал, мы вместе вышли на улицу. Мы посмотрели на небо и замерли. Вокруг луны появилось бледное разноцветное свечение. Это было природное явление, которое можно увидеть только после дождя и при свете. Но мы впервые увидели подобное в свете луны.

– Это знак, – сказала я. – Знак, что у нас всё получится.

Мы переглянулись и с улыбкой пошлёпали в корпус по мокрой траве.

По пути я сказала Кириллу:

– Тебе больше не нужно притворяться и обманывать. С нами ты можешь быть собой.

– А если я не знаю, кто я? – опустошённо сказал он.

– Что ж, можешь попытаться найти себя. В общем, можешь быть, кем захочешь. Если что, мы тебя защитим.

На этом и условились. Когда мы пришли, из одной комнаты выглянул Дима и сказал нам:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.